

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ТЕРРОРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

© 2010 г. Е. Степанова

Понятие “терроризм” носит остро дискуссионный характер. В мире существовало и существует множество определений терроризма – еще в середине 80-х годов XX в. ведущие европейские эксперты по терроризму А. Шмид и А. Йонгман насчитали 109 официальных и научных определений терроризма¹, однако в начале XXI в. это число, по крайней мере, удвоилось, если не утроилось. Пока не существует и международно-признанной дефиниции терроризма на уровне ООН, хотя работа в этом направлении ведется². Размытость и нечеткость этого понятия, отсутствие универсального международно-правового определения – во многом следствие его политической, а не академической природы и происхождения. Остро политизированный характер понятия “терроризм” дает широкий простор для различных интерпретаций последнего, в зависимости от целей интерпретатора и политической конъюнктуры.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и последующая глобальная кампания по борьбе с терроризмом не только усугубили и без того высокую степень политизации понятия “терроризм” и его подверженности разного рода политическим спекуляциям, но стали мощным стимулом для нездоровой тенденции к его максимально широкой трактовке, особенно распространенной в политических кругах и средствах массовой информации. Под это понятие стали подгоняться самые различные явления, и оно стало применяться для обозначения широкого спектра насильственных действий – от сугубо криминальных до карательных. На уровне публицистики понятие “терроризм” вообще стало использоваться чуть ли не

как синоним насилия в целом и политического насилия в частности.

С одной стороны, отсутствие четкости и единства в понимании того, что такое терроризм, крайне затрудняет практическую борьбу с ним на национальном и особенно международном уровне, которая требует уточнения, ограничения и конкретизации определения этого термина. С другой стороны, современный терроризм настолько сложен и многообразен, что любая попытка “сузить” и сделать более четким его определение влечет за собой риск упустить ряд важных особенностей и модификаций, охватить терроризм “во всех его формах и проявлениях” (используя формулировку, до сих пор принятую в ООН). Однако это еще не дает оснований впадать в пессимизм, во всяком случае на уровне академического анализа, и полагать, что раз высокий уровень политизации терроризма, влияние конкретного политического контекста и множественность форм ведут к множественности определений, то дать осмысленное научное определение терроризма вообще невозможно и не стоит пытаться.

К решению этой фундаментальной проблемы можно подойти, во-первых, наметив тот набор критериев терроризма как определенной тактики, связанной с насилием, который, возможно, и не будет претендовать на охват абсолютно всех существующих и будущих модификаций терроризма, но поможет отличить терроризм от других видов насилия, с которыми его чаще всего путают. Во-вторых, следует изначально исходить из того, что существуют различные виды и типологии терроризма, которые могут по-разному проявляться в конкретных национальных, социально-политических и социокультурных контекстах.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА

В статье предложено определение терроризма как преднамеренного насилия или угрозы насилия со стороны негосударственных игроков против гражданских лиц и некомбатантов ради достиже-

СТЕПАНОВА Екатерина Андреевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН (stepanova@imemo.ru)

¹ См.: Schmid A., Jongman A., Stohl M. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. 2nd ed. Amsterdam, N.Y., Oxford, 1988. P. 5–6.

² Подробнее см., например: Степанова Е. Россия, ООН и противодействие терроризму: правовые и практические аспекты / Ежегодник СИПРИ 2005. М., 2006. С. 835–849.

ния политических целей путем оказания давления на государство и общество. В этом определении можно выделить три критерия, отличающих терроризм любых видов от других форм насилия, с которыми терроризм часто путают, особенно в контексте более широкого вооруженного противостояния. Если тот или иной акт или угроза насилия отвечает всем трем критериям, его с уверенностью можно считать террористическим актом³.

Первый критерий – *политическая цель* – отличает терроризм от обычного криминала и криминального насилия ради достижения материальных целей, в том числе от организованной преступной деятельности⁴. В данном случае “политическая цель” может интерпретироваться весьма широко и носить как предельно конкретный, так и весьма абстрактный характер. Она может включать идеологическую или религиозную мотивацию и формулироваться не только в политических, но и в политико-идеологических или религиозных категориях. Тем не менее такая цель всегда имеет политическое измерение.

При этом терроризм – способ достижения политической цели, которая носит первичный и самоценный характер, а не просто используется как прикрытие или инструмент продвижения иных интересов (например, получения незаконной экономической прибыли). Террористы могут использовать криминальные методы сбора средств для самофинансирования и для этого могут взаимодействовать с организованной преступностью. Однако, если для криминальных группировок получение максимальной материальной прибыли – это *конечная цель*, для террористических организаций материально-экономическая выгода никогда не является единственной или преобладающей *raison d’etre* (смыслом и целью существования), оставаясь в основном *средством* продвижения их главных (политических, религиозных, идеологических) целей. В отдельных случаях одна и та же акция может преследовать как политические, так и материальные цели (террористы могут од-

новременно выдвигать политические требования и требовать выкуп). Если же за проведением той или иной акции – захвата заложников, заказного убийства, взрыва – не стоит вообще никаких политических мотивов, то она, по сути, не является террористической и должна квалифицироваться исключительно как криминальное насилие⁵.

Важно подчеркнуть, что хотя политическая цель представляет собой определяющий критерий терроризма, терроризм – это не сама политическая цель, а специфическая тактика, метод ее достижения. Разные группы могут иметь одну и ту же политическую цель, но идут к ней разными путями, используя разные средства ее достижения, включая не только террористические атаки против гражданского населения и объектов, но и другие формы вооруженной борьбы и даже ненасильственные методы протеста. Из этого следует, что, с одной стороны, каким бы ни был характер политических целей вооруженной группировки, он не может оправдать использования террористических методов, подразумевающих акт или угрозу насилия против мирного населения. С другой стороны, само по себе использование террористических методов ради политической цели еще не обязательно дискредитирует эту цель. Сама цель (а не конкретные методы ее достижения) – например, сопротивление иностранной оккупации или колониальному господству – может носить справедливый и даже легитимный характер, причем не только с позиции местного населения, но и с точки зрения международного права (как в случае с прекращением оккупации Израилем палестинских территорий, когда необходимость этого шага подтверждена многочисленными резолюциями Совета Безопасности ООН). Кроме того, политической цели, во имя которой вооруженные экстремисты могут использовать террористические методы, можно добиваться и другими формами вооруженной борьбы и/или ненасильственными средствами.

Итак, терроризм – это форма политического насилия, но это не синоним политического насилия вообще, а всего лишь одна из его форм. Как отличить терроризм от других форм политически мотивированного насилия?

³ О проблемах определения терроризма см. также: *Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects. Oxford, 2008. P. 5–14; Stepanova E. Terrorism as a Tactic of Spoilers in Peace Processes / Challenges to Peacebuilding: Managing Spoilers during Conflict Resolution. Ed. by E. Newmann, O. Richards. Tokyo, 2006. P. 83–89.*

⁴ Политическая цель как определяющая характеристика терроризма подчеркивается подавляющим большинством академических и других экспертов, систематически изучающих эту форму (тактику) насилия. Из ставших уже классическими работ см., например: *Hoffman B. Inside Terrorism. N.Y., 1999. P. 2, 40* (а также в русском переводе: *Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. Пер. с англ. М., 2003).*

⁵ Подробнее о различиях между военно-политическими группировками, в том числе применяющими террористические методы, и профессиональными криминальными группировками см.: *Stepanova E. Организованная преступность и терроризм в мире и России / Год планеты 2007: экономика, политика, безопасность. Под ред. В. Барановского. М., 2007. С. 63–76; Naylor T. Wages of Crime: Black Markets, Illegal Finance, and the Underworld Economy. Ithaca (N.Y.), 2002; Stepanova E. Violent Crime and Armed Conflicts / SIPRI Yearbook 2010. Oxford, 2010. Ch. 2.*

Второй критерий – *гражданское население и объекты как основная мишень террористического насилия* или угрозы такого насилия – отличает терроризм от ряда других форм политически мотивированного насилия, особенно тех, которые применяются в ходе вооруженного конфликта. Из них терроризм наиболее часто путают с действиями партизанско-повстанческого типа – использованием вооруженной силы против военных подразделений и других сил и объектов безопасности государства повстанцами, пользующимися, как правило, определенной поддержкой части местного населения и заявляющими, что действуют в его интересах. В отличие от партизанско-повстанческой тактики, терроризм прямо и сознательно нацелен именно на гражданское население и других некомбатантов, а также на гражданские объекты.

Проблема, однако, усложняется тем, что одна и та же группировка может вести вооруженную борьбу для достижения своих политических целей разными методами, используя партизанскую и террористическую тактики *одновременно* или переключаясь с одной из них на другую (в зависимости от политического контекста, района или условий операций и т.п.). Попытки определить такую группировку, с политической позиции, *либо* как повстанческую (партизанскую), *либо* как чисто террористическую одинаково неправомерны, поскольку она одновременно является *и* партизанской, *и* террористической организацией. Поэтому, хотя в законодательстве и политическом лексиконе многих стран группировки, систематически сочетающие партизанские и террористические методы в вооруженном конфликте, стандартно определяются как “террористические организации”, с научной точки зрения такое определение не вполне корректно. В данной статье для обозначения организаций, применяющих терроризм наряду с другими методами вооруженной борьбы, предлагается использовать более адекватные термины: “повстанческо-террористические группировки”, “организации, ведущие террористическую деятельность” или “группировки, использующие террористические методы”.

Кстати, в этом контексте теряет смысл распространенное в определенных политических и особенно правозащитных кругах противопоставление “террористов” “борцам за свободу” и популярный тезис: “то, что для одних является терроризмом, для других – борьба за свободу”⁶. Во-первых, в этом тезисе противопоставлены несопоставимые понятия – тактика (терроризм) и политическая цель (“борьба за свободу”, как бы

она ни интерпретировалась: будь то освобождение от иностранной оккупации или колониального гнета либо, например, сепаратизм/“борьба за национальное самоопределение”). Во-вторых, если допустить, что под “борьбой за свободу” или “справедливость” некорректно подразумевается партизанская, повстанческая война как форма или тактика вооруженного противостояния, то становится понятным, что ее взаимоисключающее противопоставление террористической тактике по принципу “или террористы – или повстанцы/борцы за свободу” совершенно неправомерно. Одна и та же группировка (движение) может сочетать обе тактики и использовать их одновременно.

Конечно, следует иметь в виду, что критерий, согласно которому основными мишенями терроризма являются гражданские лица (объекты) и другие некомбатанты, в значительной мере носит условный характер. Это относительный, а не абсолютный критерий. Не всегда, особенно в условиях вооруженного конфликта, можно четко определить мишени террористического насилия как гражданское население или объекты, доказать, что такое насилие было прямым и преднамеренным, а не “побочным ущербом” военных операций против комбатантов или провести четкую грань между комбатантами и некомбатантами в конфликтной зоне. Тем не менее, несмотря на все эти сложности, данный критерий сохраняет свое значение. Во-первых, даже в условиях вооруженного конфликта во многих случаях можно провести достаточно четкое разграничение между актами партизанско-повстанческого типа против военных целей (военных, полицейских и специальных подразделений, баз, блокпостов, погранзастав и т. д.) и терактами против гражданских мишеней (мест большого скопления народа, общественного транспорта и т. д.). Во-вторых, преднамеренное применение вооруженной силы в условиях конфликта совершенно по-разному интерпретируется международным гуманитарным правом в зависимости от того, направлено ли такое применение силы против гражданских или военных целей, и влечет за собой разные по тяжести последствия. Партизанские действия против правительственных военных целей и сил (объектов) безопасности сами по себе нарушением международного гуманитарного права не являются (хотя обычно подпадают под действие национального уголовно-административного законодательства той страны, где они ведутся). В то же время преднамеренные атаки на гражданское население или объекты, совершенные в контексте вооруженного конфликта как международного, так и немеждународного (внутреннего) характера, включая террористические атаки, – это пря-

⁶ Этот тезис – калька с английского “one man’s terrorist is another man’s freedom-fighter”.

мое нарушение международного гуманитарного права, и они запрещены Дополнительными протоколами I и II к Женевским конвенциям⁷.

Важно, однако, подчеркнуть, что, хотя терроризм – это специфическая тактика, требующая жертв (или угрожающая жертвами) среди гражданского населения, которое служит прямой мишенью терактов, непосредственные гражданские жертвы никогда не являются главным и конечным объектом воздействия террористического акта. Они – всего лишь мишени, “пушечное мясо” террористического насилия, основная, если не единственная функция которых – служить катализатором более широкого общественного резонанса и дестабилизации, необходимых террористам для давления на их более сильного противника. Иными словами, терроризм – это своего рода представление, спектакль, который включает использование или угрозу насилия против гражданских целей, но поставлен и разыгран террористами специально для другой, третьей стороны, которая и есть их зритель и конечный объект воздействия. Как правило, этим “зрителем” является *государство* (а на международном уровне – группы и союзы государств, международные организации и даже международное сообщество в целом). Таким образом, главная задача террористического акта – шантаж государственной власти путем угроз и ударов по гражданским объектам, давление на государство с целью заставить его предпринять те или иные шаги, в том числе спровоцировать его на непропорциональную и неадекватную политическую и/или военную реакцию либо, наоборот, вынудить власти воздержаться от принятия тех или иных решений. Именно государственная власть как главный объект воздействия террористов, как конечный получатель их “послания” (которым, собственно, и является теракт) придает этому виду насилия *асимметричный характер*,

представляющий собой последний из трех основных критериев определения терроризма.

Действительно, если ограничиться лишь первыми двумя критериями, то придется признать, что политически мотивированное насилие против гражданского населения, особенно в контексте вооруженного конфликта, может иметь разные формы. Например, первым двум критериям вполне удовлетворяют и репрессивные действия с применением насилия со стороны самого государства против своих или иностранных граждан, и симметричное межобщинное насилие на этнической, конфессиональной и иной почве. То, что выделяет террористическую активность среди этих и других форм политически мотивированного насилия против гражданских лиц и некомбатантов – это ее ярко выраженный асимметричный аспект. Терроризм – специфическое оружие “слабых” против “сильных”. Более того, терроризм – тактика стороны, которая не только слабее в военном и техническом отношении, но и имеет более низкий формальный статус. Иными словами, для группировки, применяющей террористические методы, в вооруженном противостоянии характерна не только асимметрия потенциалов (возможностей) сторон, но и *статусная асимметрия*.

Именно асимметричная природа терроризма объясняет, почему террористы выбирают гражданское население и некомбатантов в качестве главных мишеней. Вооруженное насилие против гражданских лиц или угроза такого насилия служит для террористов своеобразным мультипликатором силы, который компенсирует их военную слабость, и инструментом коммуникации и пиара с целью оказать давление на государство и общество в целом. Именно удары по невооруженным жертвам и гражданским объектам позволяют даже небольшой группировке создавать непропорционально сильный дестабилизирующий эффект относительно ограниченными средствами – эффект, которого она не смогла бы добиться обычными военными методами. Этот эффект позволяет террористам оказывать давление на несравнимо более сильного противника – государство, в том числе провоцируя его неадекватные и непропорциональные ответные действия, а в плане воздействия на массовое сознание – даже “сравняться” с ним. Ставя под удар гражданских лиц и инфраструктуру, террористическая организация пытается ударить по самому слабому, уязвимому месту, по “ахиллесовой пяте” своего в остальном более сильного противника – по его гражданским целям.

⁷ “... стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов”. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 г. Ст. 48. Международное гуманитарное право, регулирующее применение силы в вооруженных конфликтах немеждународного (то есть внутриполитического) характера – Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям – не запрещает вооруженным повстанческим организациям применять силу против правительственных войск и военных объектов, при условии, что все остальные требования, регулирующие применение вооруженной силы в конфликтах, при этом соблюдены.

Таким образом, терроризм – это особая, асимметричная тактика вооруженной борьбы, доступная “слабым” (негосударственным игрокам) в противостоянии “сильным” (государствам, группам государств, международному сообществу), а не орудие, например, в симметричном противостоянии “слабых” против “слабых” или “сильных” против “сильных”, то есть одинаковых по статусу и сравнимых по потенциалу сторон. Более того, именно асимметричная потребность террористов в использовании ударов по гражданским целям как акселератора, усилителя их ограниченного конвенционального потенциала, нацеленность террористов на непропорционально широкий политический и медийный эффект объясняет, почему терроризм не является орудием “сильных” (то есть государств) против “слабых”, почему *политически мотивированное вооруженное насилие против гражданских лиц со стороны самого государства является чем угодно, только не терроризмом.*

Репрессии на уровне государства и намеренное использование им силы против своих или иностранных гражданских лиц и некомбатантов не подпадают под определение терроризма, используемое в этой статье, так как не являются специфической тактикой более слабой в военном отношении и более низкой по статусу стороны в асимметричной конфронтации. В отличие от террористов, государство, обладающее военным превосходством и признанным формальным статусом не нуждается так остро в специальном дополнительном “усилителе” своих военно-политических возможностей и, уж если и предпринимает атаки против гражданского населения, отнюдь не заинтересовано в широкой рекламе и “пиар-эффекте” таких действий.

Тем не менее предложенное определение более узкого термина “терроризм” (как политически мотивированной асимметричной тактики негосударственных игроков) совершенно не исключает, например, использования более широкого термина “террор” применительно к репрессивным действиям со стороны государств (например, нацистский или полпотровский террор). Не исключает это определение и понятия “государственной поддержки терроризма”, то есть поддержки со стороны государств(а) негосударственных игроков, в том числе транснациональных сетей, использующих террористические методы. Однако, в случае, если эта “государственная поддержка” перерастает в полный и прямой контроль государства над подпольной группировкой, в стратегическое руководство ее операциями, то действия

такой группировки должны квалифицироваться как “специальные”, “секретные”, “диверсионные” и другие *государственные операции*, а не как негосударственный терроризм.

То, что вооруженное насилие и другие репрессивные действия со стороны государства против невооруженных гражданских лиц и некомбатантов не подпадают под определение терроризма, конечно, никак не оправдывает сами эти действия. В контексте внутренних и международных вооруженных конфликтов непропорциональное неизбирательное применение силы против некомбатантов, а тем более целенаправленное, прямое насилие против гражданского населения с использованием правительственных сил запрещены международным гуманитарным правом и квалифицируются либо как преступления против человечества, либо как военные преступления⁸. С моральной точки зрения, такие действия государства в каком-то смысле даже хуже террористических методов, применяемых негосударственными игроками: если террористы убивают или угрожают убийством гражданских лиц с тем, чтобы оказать давление на государство и посеять смуту в обществе, то массовое или систематическое нелегитимное использование насилия против граждан самим государством подрывает основу государственной власти и одну из ее главных функций – *монополию государства на легитимное насилие.*

ТРАДИЦИОННЫЕ ТИПОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА

Помимо крайней степени политизации понятия “терроризм”, существуют и объективные причины разногласий по поводу определения этого понятия и прежде всего многообразие форм, видов и проявлений терроризма. Многообразие форм терроризма объясняет тесную связь между проблемами его определения и типологии.

Две основные, традиционные и широко распространенные типологии терроризма включают

⁸ При этом ряд правоведов и правозащитных организаций справедливо указывают на то, что запрет на использование силы против некомбатантов в международном гуманитарном праве распространяется лишь на ситуации, подпадающие под определение внутреннего или международного вооруженного конфликта, тогда как массовые насильственные действия против гражданских лиц нередко предпринимаются и в условиях мирного времени вооруженными формированиями как антиправительственного, так и проправительственного или государственного типа. Этот аргумент справедлив, но не может служить достаточным основанием для применения термина “терроризм” к тому, что им не является.

подразделение терроризма на внутренний (внутриполитический) и международный, а также классификации различных видов терроризма в соответствии с их доминирующей мотивацией. Рассмотрим, насколько эти традиционные типологии применимы к современным формам терроризма и отражают их основные особенности.

Первое – это разграничение между внутренним и международным терроризмом. Очевидно, что граница между этими понятиями в современных условиях становится все более размытой, в особенности если продолжать придерживаться традиционного “технического” определения “международного терроризма” как террористической деятельности, которая осуществляется на территории более чем одной страны или в которую вовлечены (в качестве террористов или их жертв) граждане более чем одного государства. Такое устаревшее определение до недавнего времени еще использовалось в методологии некоторых баз данных по терроризму и продолжает использоваться в антитеррористическом законодательстве многих государств⁹. Лишь очень ограниченное число аналитиков и баз данных выдвигают адекватное определение, в частности, внутривнутриполитического терроризма и его отличий от международного¹⁰.

Надо сказать, что разграничение между международным и “чисто внутренним” терроризмом никогда не было слишком жестким. Учитывая тесную взаимосвязь международного терроризма с внутривнутриполитическим, вряд ли было бы оправданно полностью отделять один от другого даже применительно к историческим формам терроризма. Террористическая активность, особенно, если она велась на регулярной, систематической основе, редко была самодостаточна в границах одного государства. Интернационалистская идеология террористических групп часто требовала выхода их деятельности за пределы государственных границ (о чем, например, свидетельствует серия политических убийств лидеров ряда европей-

ских стран итальянскими анархистами в конце XIX в.). Кроме того, террористам часто приходилось интернационализировать свою финансовую, техническую, пропагандистскую и другую деятельность. Например, в начале 1900-х годов российские социалисты-революционеры (эсеры) были вынуждены искать убежище, планировать террористические акты и содержать мастерские по производству взрывчатки на территории Франции и Швейцарии. Терроризм как одна из тактик вооруженной борьбы антиколониальных и других национально-освободительных движений конца XIX–XX вв. (так, борьбы за освобождение Индии от британского господства) был интернационализирован если не *de jure*, то *de facto*. Высокая степень интернационализации была одной из основных характеристик и левого терроризма 70–80-х годов в Западной Европе и других регионах, когда, например, левые террористы из разных европейских стран предпринимали совместные операции или вели совместную подготовку, в частности, в палестинских тренировочных лагерях на Ближнем Востоке. В те же годы, например, Красная армия Японии (японская леворадикальная организация) вообще постоянно перемещалась из одной страны в другую и даже из одного региона мира – в другой¹¹.

К концу XX в. грань между внутривнутриполитическим и международным терроризмом стала более размытой, чем когда бы то ни было. К этому времени уже подавляющее большинство тех вооруженных группировок, цели которых были локализованы и ограничены национальным внутривнутриполитическим контекстом, все чаще базировались, вели сбор средств, осуществляли транспортно-техническое обеспечение, пропагандистскую деятельность и планирование ряда своих операций на территории нескольких государств, иногда далеко за пределами непосредственной зоны активности или происхождения группы. То есть, террористические группы, имеющие только локальные цели, все активнее интернационализировали отдельные аспекты или большую часть своей деятельности, включая частичное базирование и ведение операций из-за рубежа¹². Даже домо-рошенные вооруженно-экстремистские ячейки,

⁹ Например, в антитеррористическом законодательстве США международный терроризм определен как “террористическая активность, в которой задействованы граждане или территория более, чем одного государства” (см.: United States Code. Title 22. Section 2656f(d)).

¹⁰ Например, в соответствии с методологией Базы данных по терроризму в Западной Европе (Terrorism in Western Europe: Event Data / TWEED), терроризм определяется как “внутренний” при условии, что террористы являются порождением политической системы своей страны, и их действия направлены именно против этой системы (см.: Engene J.O. Five Decades of Terrorism in Europe: the TWEED Dataset // Journal of Peace Research. 2007. V. 44. № 1. P. 109–110).

¹¹ Подробнее см. об этом: Витюк В., Эфиров С. “Левый” терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.

¹² Классическим примером может служить обширная зарубежная финансово-пропагандистская сеть – одна из наиболее широких в мире по охвату, созданная организацией “Тигры освобождения Тамил-Илама”, основные политические цели которой сосредоточены на локальном внутреннем этнополитическом конфликте на Шри-Ланке и не выходят за его рамки.

не связанные с известными террористическими группами, могут преследовать абсолютно транснациональные цели. В этом контексте неудивительно, что, например, Европейское полицейское ведомство (Европол) решило вообще более не проводить формального разграничения между “внутренним” и “международным” терроризмом в своих ежегодных обзорах террористических угроз¹³.

В современных условиях лишь очень немногие группировки, применяющие террористические методы, опираются только на внутренние ресурсы и средства. Так, группировки, участвующие в вооруженных конфликтах в крайне отдаленных и труднодоступных регионах (в частности, маоисты в Непале), и в силу этого вынужденные опираться в основном на собственные ресурсы, поддерживают политические связи с идеологически близкими движениями (например, непальские маоисты – с движением наксалитов в Индии и другими группами маоистской ориентации) и/или получают определенную финансовую и техническую поддержку из-за рубежа. В мирное время акты “чисто внутреннего” терроризма также довольно редки и обычно ограничиваются отдельными, изолированными терактами со стороны экстремистов левого или правого толка – такими, как взрыв федерального здания в г. Оклахома-Сити (США) в апреле 1995 г.

Следует подчеркнуть, что высокая степень интернационализации террористической активности как группировок леворадикального толка, так и, позднее, вооруженных исламистских сетей, не была продиктована лишь прагматическими интересами, например, потребностями в снабжении и техническом обеспечении. Интернационализация группировок этих типов в равной мере была логическим продолжением их интернационалистских (или, в случае с исламистами, транснациональных и “наднациональных”) идеологии и мировоззрений. Так, полуавтономные или полностью автономные террористические ячейки в Западной Европе, созданные радикальными исламистами, в большинстве своем гражданами европейских стран, в конце 1990-х – начале 2000-х годов, могли иметь весьма ограниченные связи с более широким транснациональным вооруженным исламистским движением, вдохновленным “Аль-Каидой”. Более того, эти самостоятельные ячейки могут быть вообще напрямую не связаны с этим движением ни в оперативном, ни в финансовом, ни в техническом отношениях. Тем не менее

террористическая активность этих автономных ячеек должна рассматриваться как проявление транснационального терроризма в той мере, в какой она продиктована универсалистской, квази-религиозной идеологией, осуществляется во имя всей *уммы* и осознается как реакция на западные интервенции в Афганистане, Ираке и т. д.¹⁴ Этот терроризм носит транснациональный характер, несмотря на то, что его жертвами становятся в основном сограждане террористов.

Важно также провести разграничение между различными формами, уровнями и стадиями постепенного размывания границы между транснациональным и внутренним терроризмом. На начальной стадии этот процесс может ограничиваться интернационализацией лишь некоторых аспектов террористической деятельности, когда та или иная группировка совершает теракты за пределами страны, но во внутривнутриполитических целях, или переносит за рубеж часть функций технического и финансового обеспечения. Следующие этапы подразумевают более глубокую степень транснационализации: от активного взаимодействия отдельных, независимых друг от друга вооруженных групп, базирующихся в разных странах и регионах, до формирования полноценных межорганизационных сетей или в конечном счете образования транснациональных террористических сетей. Таким образом, применительно к терроризму XXI в. критическое значение имеет не механическое разграничение между внутривнутриполитическим и международным терроризмом (учитывая, что и внутривнутриполитические повстанческо-террористические группировки склонны интернационализировать многие аспекты своей деятельности). *В начале XXI в. актуальнее говорить об уровне и масштабе основных целей и повестки дня той или иной группировки – локальном (национальном) или транснациональном (и даже глобальном).* В данной статье термин “интернационализированный терроризм” применяется к группировкам, которые ведут террористическую деятельность на уровнях от локального (национального) до внутри- и межрегионального, но цели которых не выходят за рамки национального контекста. Понятие же “транснациональный терроризм” относится к тем группам и сетям, у которых не только их террористическая активность, но и конечные цели носят отчетливый наднациональ-

¹³ См.: EU Terrorism Situation and Trend Report 2007. The Hague, 2007. P. 10.

¹⁴ Термин “умма” в арабском языке имеет три смысла: “община”, “нация” и “община верующих-мусульман”, в том числе всех мусульман. Здесь термин “умма” используется в третьем значении – для обозначения мусульманского сообщества в целом (“всех мусульман”).

ный, транснациональный или даже глобальный характер¹⁵.

Вторая наиболее распространенная традиционная типология терроризма основана на доминирующей *мотивации* вооруженной группировки. В соответствии с этим критерием, вооруженные группировки, использующие террористические методы, обычно относят к одной из трех широких категорий: а) социально-политический (идеологический) терроризм левореволюционного, анархистского, праворадикального и другого толка; б) националистический терроризм, практикуемый различными группировками – от национально-освободительных движений, борющихся против колониального господства или иностранной оккупации, до антиправительственных вооруженных организаций этносепаратистского типа и в) религиозный терроризм – одна из тактик вооруженных группировок (от последователей тоталитарных сект и культов до более широких социально-религиозных движений), в идеологии которых преобладают религиозные императивы.

Если следовать подобной типологии, то с 90-х годов – после окончания холодной войны, развала социалистического блока и снижения влияния коммунистической идеологии – террористическая активность группировок социально-политического, особенно леворадикального толка, если и не сократилась в абсолютном измерении, то стала значительно уступать терроризму националистического и религиозного толка, показатели которого росли гораздо более быстрыми темпами. Если число раненых и убитых в терактах леворадикального типа в мире ежегодно составляло несколько сот человек, то людские потери в терактах националистического, религиозного или смешанного националистически-религиозного типов исчислялись тысячами¹⁶.

Главная проблема мотивационной типологии терроризма состоит в том, что на практике многие вооруженно-террористические группировки движимы более чем одной мотивацией и руководствуются более чем одной идеологией. Не всегда можно определить, какая из них именно доминирует. Со временем одна основная мотивация может сменить другую или различные мотивационные установки могут постепенно слиться

воедино. Среди наиболее часто встречающихся комбинаций: а) синтез правого экстремизма и религиозного фундаментализма; б) смесь радикального национализма и левого экстремизма и в) религиозный экстремизм в сочетании с радикальным национализмом (в частности, в мотивационно-идеологических установках палестинских группировок ХАМАС и “Исламский джихад”, а также исламизированных националистических группировок повстанческого движения в Ираке после 2003 г.) или с этническим сепаратизмом (например, у сикхских, кашмирских и чеченских сепаратистов).

Итак, несмотря на то, что мотивационная типология сохраняет свое значение, она не всегда адекватно и точно отражает сложную, диалектическую природу мотивационно-идеологических установок террористических группировок и не носит исчерпывающего характера.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА

Необходимость пересмотра и дополнения традиционных типологий терроризма подвигла автора статьи на то, чтобы предложить новую типологию терроризма, которую можно было бы назвать “функционально-идеологической”. Она основана на той функции, которую террористическая тактика выполняет для негосударственного игрока в зависимости от уровня и масштаба его политико-идеологических целей и ее соотношения с вооруженным конфликтом. Таким образом, данная типология терроризма базируется на двух критериях: а) уровне и масштабе целей группировки (транснациональных/глобальных или более локализованных), б) степени взаимосвязи ее террористической активности с более широким вооруженным противостоянием (конфликтом) – то есть используется ли терроризм как тактика в вооруженном конфликте и как он сочетается с другими формами насилия.

На основании этих двух критериев можно выделить три “функционально-идеологических” типа современного терроризма.

1. *Терроризм мирного времени*. Примерами этого “классического” терроризма могут служить большинство форм и проявлений леворадикального терроризма второй половины XIX – начала XX в.¹⁷, левый терроризм в Западной Европе

¹⁵ Подробнее об интернационализации и транснационализации терроризма см.: Terrorism: Patterns of Internationalization. Ed. by J. Saikia, E. Stepanova. New Dehli, L., Los Angeles, 2009. P. XIII–XL.

¹⁶ Анализ соответствующих статистических данных и соответствующие графики см.: Stepanova E. Terrorism and Political Extremism / Great Powers and Strategic Stability in the 21st Century. L., 2010. Fig. 2, 3.

¹⁷ Хотя терроризм этого типа нередко был нацелен на эскалацию и провоцирование более широкого вооруженного противостояния – например, революции или народного восстания, он в основном служил лишь одним из факторов общей дестабилизации и способствовал усилению полицейских репрессий со стороны властей.

70-х и 80-х годов; правый терроризм (со стороны расистских или неонацистских группировок), в тех случаях, когда речь не идет о контрповстанческом насилии со стороны проправительственных группировок в вооруженных конфликтах; экологический и другой терроризм, применяемый для продвижения тех или иных “специальных” политических интересов и программ. Вне зависимости от конкретной мотивации, терроризм этого типа не является одной из тактик более широкого вооруженного противостояния, которое ведется и другими методами.

2. *Терроризм как систематическая тактика вооруженного конфликта.* Этот вид терроризма систематически используется как одна из тактик в асимметричных локально-региональных вооруженных конфликтах (например, кашмирскими, северокавказскими, тамильскими и другими боевиками). В данном случае терроризм применяется одним или несколькими комбатантами – вооруженными повстанческими группировками, участвующими в конфликте и отождествляющими себя с той или иной политической целью (целями), напрямую связанной с теми противоречиями, которые оспариваются в ходе конфликта. Эта цель может быть весьма амбициозной (захват государственной власти, создание собственного, отдельного государства или сопротивление иностранной оккупации), однако она, как правило, не выходит за рамки локального (национального) или регионального контекста. В этом смысле, цели террористов носят *ограниченный* характер, и для их продвижения в основном используются ограниченные технические средства. Терроризм в контексте вооруженного конфликта обычно применяется группировками, которые пользуются определенной поддержкой местного населения и используют более чем одну тактику (форму) вооруженного насилия. Чаще всего они сочетают теракты против мирного населения, в том числе за пределами собственно зоны вооруженных действий, например, в крупных городах, с партизанскими атаками на регулярные вооруженные силы и другие подразделения и объекты силовых структур и/или с межобщинным, сектарным¹⁸ и иным симметричным насилием против других негосударственных игроков.

3. *Супертерроризм.* Если первые два вида терроризма носят более традиционный характер, то так называемый супертерроризм, также именуемый мегатерроризмом, макротерроризмом или глобальным терроризмом – это относительно

новый феномен¹⁹. Он по определению носит глобальный характер или, по крайней мере, стремится к глобальному охвату, и как таковой совершенно не обязательно должен быть привязан к тому или иному локальному или национальному контексту или к повестке дня конкретного вооруженного конфликта. Цели супертеррористических группировок и сетей носят экзистенциальный характер и в принципе не могут служить предметом переговоров. Они глобальны и в этом смысле неограниченны. Примером может служить стремление “Аль-Каиды” бросить вызов мировому порядку и даже попытаться его изменить. Под понятие супертерроризма подпадает и террористическая активность более широкого транснационального вооруженного исламистского движения, вдохновленного “Аль-Каидой” и развивающего ее религиозно-идеологические установки, но фактически пришедшее на смену первоначальной “Аль-Каиде”. Это более динамичное движение с виртуальным “интернет-поколением” идеологов и выраженными сетевыми характеристиками, множеством автономных или полуавтономных ячеек и звеньев, а также уникальной системой координации путем общих идеологическо-стратегических установок²⁰.

Хотя все три типа терроризма, согласно функционально-идеологической типологии, различаются по уровню целей и соотношения с вооруженным конфликтом и сохраняют свою специфику, они имеют и общие черты, могут быть взаимосвязаны, взаимодействовать и, в отдельных случаях, даже образовывать некий синтез. В частности, действия ячеек транснациональных супертеррористических сетей могут вдохновлять террористическую активность доморощенных

¹⁹ См. об этом: Superterrorism: Policy Responses. Ed. by L. Freedman. Oxford, 2002; Супертерроризм: новый вызов нового века. Под общ. ред. А. Федорова. М., 2002. До 11 сентября 2001 г. термин “супертерроризм” чаще всего использовался как синоним терроризма с использованием неконвенциональных (биологических, радиологических, химических и ядерных) материалов. Предложенное здесь понятие “супертерроризма” имеет иной смысл: главным критерием определения этого типа терроризма является именно *глобальный уровень его конечных целей*, которые могут преследоваться и с использованием (в том числе в неожиданных, неортодоксальных формах) самых обычных технических средств.

²⁰ Подробнее об этом “посткаидовском” движении см.: Степанова Е. Исламистский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни // Индекс безопасности. Февраль 2007. Т. 13. № 1 (81). С. 75–92. В западной литературе “посткаидовское” движение – не вполне, впрочем, корректно – именуется “движением глобального джихада”, “глобальным салафитским джихадом”.

¹⁸ Сектарное насилие – межконфессиональное и внутриконфессиональное насилие.

повстанческих организаций в ходе вооруженных конфликтов в Афганистане или Ираке, которые могут брать на вооружение или имитировать тактические приемы таких сетей, и наоборот.

Несмотря на возникновение и подъем супертерроризма и его доминирующую роль в антитеррористических стратегиях ряда западных стран, прежде всего США, особенно после масштабных атак супертеррористического типа 11 сентября 2001 г., наиболее распространенным видом современного терроризма остается терроризм как тактика локально-региональных асимметричных конфликтов. Это форма террористической активности конца XX – начала XXI в., на которую

приходится подавляющее большинство терактов и которая приводит к наибольшим людским потерям. В конце XIX в., например, доминировал терроризм “мирного времени”, как правило, леворадикального толка. Вопрос о том, станет ли в обозримом будущем супертерроризм, с его неограниченными транснациональными целями и глобальной повесткой дня, основным видом террористической активности, пока остается открытым.

Ключевые слова: терроризм, политическое насилие, гражданское население как мишень, асимметричное насилие, вооруженный конфликт, супертерроризм.